

Георг IV –

«Принц удовольствий»

Часть I

Елизавета Муромская

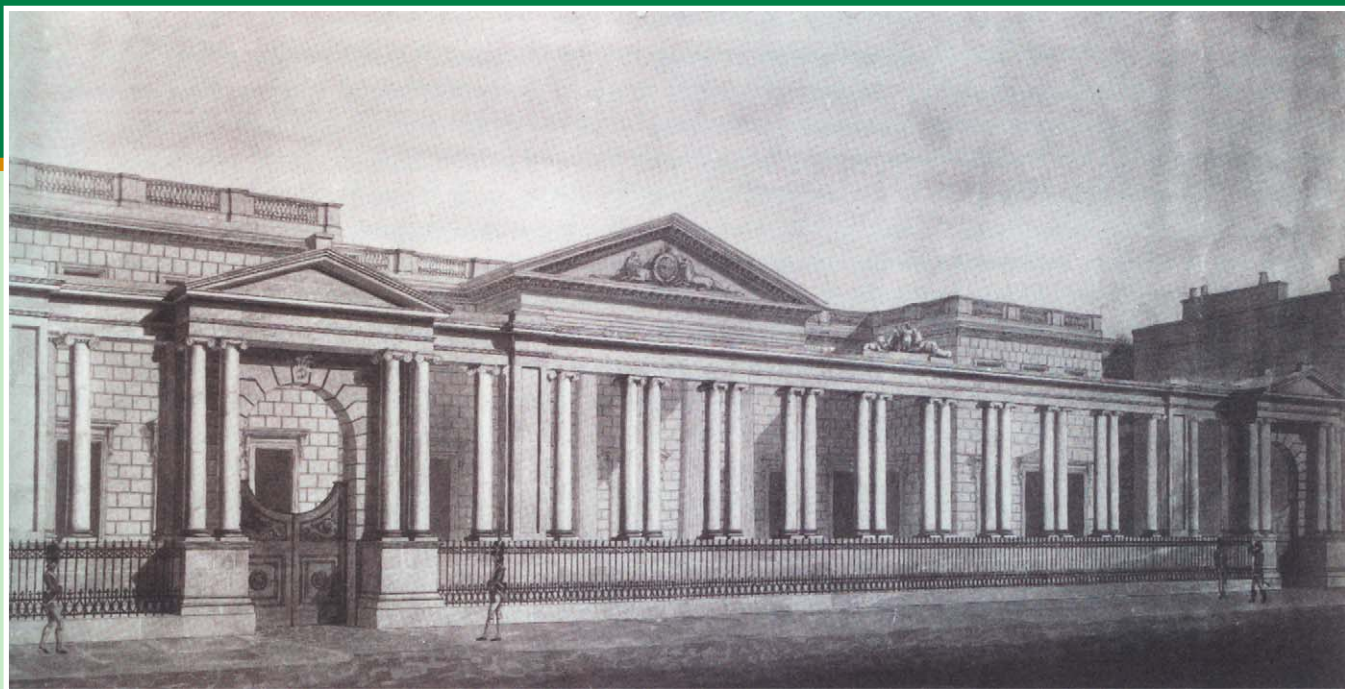
Георг Август Фредерик, старший сын и первый ребенок Георга III и королевы Шарлотты родился в Сент-Джеймском дворце 12 августа 1762 года. Когда ему было только пять дней от роду, он получил титул принца Уэльского, принца-курфюрста Брауншвейг-Люнебургского, герцога Корнуолла и Роутсея, графа Гаррика, барона Ренфрю, лорда Островов, заместника Шотландского и графа Честерского, а уже к концу декабря 1765 года – звание рыцаря ордена Подвязки.

Его детство прошло в простоте и строгости в маленьком дворце Кью. Возможно, именно эта излишняя строгость и чрезмерная простота и послужила толчком к развитию дурных наклонностей. Напуганный

вопиющим развратом, царившим при дворе его отца, Георг III решил собственным добрым примером, – умеренностью во всем, простым и богобоязненным образом жизни, – «способствовать исправлению нравов и очищению всей нации». В своем стремлении быть образцом нравственности король превратил свой дом в частности и королевский двор в целом в самое скучное место на земле. Как писал У.-М. Теккерей: «Натура и обстановка словно сговорились испортить молодого принца: при папашинном дворе стояла такая невыносимая скука, такими дурацкими были там развлечения, такими бессмысленными занятия, и все одно и то же, и такая одурь – не

Напуганный вопиющим развратом, царившим при дворе его отца, Георг III решил собственным добрым примером, – умеренностью во всем, простым и богобоязненным образом жизни, – «способствовать исправлению нравов и очищению всей нации». В своем стремлении быть образцом нравственности король превратил свой дом в частности и королевский двор в целом в самое скучное место на земле.

← Портрет Георга, принца Уэльского. Худ. Мэтью Браун. Около 1790 г. Королевский павильон в Брайтоне.

Карлтон-Хаус, Пэл-Мэлл, Лондон. Худ. Джон Соан. Около 1783-1796 гг. Рисунок. Музей Джона Соана, Лондон.

Карлтон-Хаус в течение нескольких десятилетий был лондонской резиденцией принца-регента. Его южный фасад выходил на улицу Пэл-Мэлл, а со стороны северной были разбиты сады, тянувшиеся до Сент-Джеймского парка. Дворец был построен в начале XVIII века для Генри Бойла, англо-ирландского политического деятеля, получившего в 1714 году титул барона Карлтона. Тот завещал владение своему племяннику Ричарду Бойлу, 1-му графу Берлингтону, известному архитектору. В 1732 году дворец купил Фредерик, принц Уэльский (отец Георга III), по заказу которого Уильям Кент разбил с северной стороны живописный сад. При вдове Фредерика, принцессе Августе, Карлтон-Хаус неоднократно достраивали, поэтому к тому моменту, когда его хозяином стал внук Фредерика, Георг, принц Уэльский, дворец представлял собой довольно хаотичное в архитектурном смысле строение. Между 1783 и 1796 гг. Карлтон-Хаус был практически полностью перестроен любимым архитектором наследника Генри Холландом в стиле французского классицизма эпохи Людовика XVI. К тому моменту, когда Георг стал принцем-регентом, его городская резиденция стала одним из самых великолепных дворцов своего времени. По его примеру строились дворцы не только в самой Англии, но и в других странах. Даже уже став королем, Георг IV предпочитал жить в Карлтон-Хаусе, а не в Сент-Джеймском дворце – традиционной королевской резиденции, или Бакингем-Хаусе, который любил его отец Георг III. Старые дворцы не отвечали его требованиям, как в отношении бытового комфорта, так и дизайна. Одно время он даже планировал расширить Карлтон-Хаус, но в результате полной реконструкции подвергся Бакингем-Хаус, превратившийся в конце концов в современный Букингемский дворец. В 1825 году Карлтон-Хаус снесли, а на его месте появилась линия элитных домов, известных сейчас как Карлтон-Хаус-Террас.

продохнуть; от подобной жизни и менее полнокровный наследник престола ударился бы в разгул. Все принцы, едва выростали, тут же спешили удрать из этого Замка Уныния, где сидел на престоле

старый король Георг, с утра до ночи проверяя свои конторские книги или мурлыча Генделя, а королева Шарлотта вышивала в пяльцах и нюхала табак». Многочисленные свидетели отмечали, что еще в раннем

детстве наследный принц выказал недюжинные способности к учебе, особенно к языкам, прекрасно держался в седле, прелестно пел, изящно играл на виолончели. Однако, поскольку никаких действенных

Портрет королевы Шарлотты со старшими сыновьями. Худ. Алан Рамзи. Около 1764-1769 гг. Королевское собрание.

Алан Рамзи получил королевские заказы на портреты благодаря протекции Джона Стюарта, 3-го графа Бьюта, близкого друга и советчика матери Георга III, принцессы Августы. С 1760 года Рамзи считался «художником короля», т.е. главным придворным живописцем. На портрете 1760-х годов королева Шарлотта еще совсем молодая, а благодаря таланту Рамзи – и вполне миловидная. Она сидит за английским спинетом, на крышке которого лежит корзинка для рукоделия и книга Джона Лока «Мысли о воспитании» (1693 г.) На руках королева держит принца Фредерика, впоследствии герцога Йоркского (1763-1827 гг.), а на ее колене облокотился маленький Георг, принц Уэльский (будущий Георг IV, 1762-1830 гг.) с детским луком в руках. Оба мальчика еще в «младенческом» возрасте, поэтому одеты в платья.

Слева:

Воксхолл. Фрагмент. Худ. Томас Роулэндсон. Около 1784 г. Акварель. Музей Виктории и Альберта, Лондон.

На этом фрагменте в первом ряду можно увидеть актрису Мэри Робинсон в компании молодого модника, возможно, принца Уэльского.

Справа:

Портрет Георга, принца Уэльского. Худ. Ричард Козуэй. Около 1783-1784 г. Миниатюра. Королевское собрание.

подтверждений столь недюжинных способностей история не сохранила, то многие язвительные авторы вслед за Теккереем склонны ставить под сомнение подобные лестные характеристики. К достижению совершеннолетия принц Уэльский превратился в высокого, довольно грузного, хотя и не лишённого привлекательности юношу, который любил пышно одеваться и имел приятные манеры, однако, по едкому замечанию Д.-Б. Пристли, *«не всегда считал нужным демонстрировать их своим воспитателям и родителям»*.

Уже в подростковом возрасте он начал проявлять большой интерес к женскому полу, наслаждениям и развлечениям всякого рода. Первой жертвой обходительного и смазливового принца стала горничная королевы Шарлотты, которую вскоре с позором выгнали из дворца. Потом, видимо, было еще несколько тайных интрижек, но о них история умалчивает. В декабре 1779 года наследник увлекся Мэри Робинсон, довольно посредственной актрисой и писательницей, но необычайно красивой женщиной, хотя и несколько полноватой. Она получила некоторую известность после роли Пердиты из очередной постановки «Зимней сказки» Шекспира, осуществленной в театре Друри-Лейн. Посетивший спектакль принц Уэльский был настолько очарован красавицей, что не задумываясь предложил ей двадцать тысяч фунтов только за то, чтобы она стала его любовницей. Мэри не была счастлива в браке, но и иметь репутацию распутной

женщины тоже не желала, поэтому некоторое время пыталась соблюдать приличия. Однако в какой-то момент все же решилась довериться молодому любовнику (разница в возрасте между ними составляла пять лет), видимо, понадеявшись на искренность чувств.

Для Георга это была первая длительная связь, которая во многом стала моделью для всех его после-

дующих сексуальных увлечений. Связь с миссис Робинсон продлилась около двух лет, и первое время Георг буквально осыпал актрису драгоценностями и изящными безделушками, о баснословной стоимости которых судачил весь Лондон. Роман «Пердиты» и «Флоризеля»¹ получил отражение на многочисленных карикатурах и в сатирических памфлетах. Несмотря на свое

Посетивший спектакль принц Уэльский был настолько очарован красавицей, что не задумываясь предложил ей двадцать тысяч фунтов только за то, чтобы она стала его любовницей. Мэри не была счастлива в браке, но и иметь репутацию распутной женщины тоже не желала, поэтому некоторое время пыталась соблюдать приличия.

¹ Имена главных персонажей «Зимней сказки».

Портрет Мэри Робинсон.
Худ. Томас Гейнсборо. 1781-1782 гг.
Королевское собрание.

двусмысленное положение миссис Робинсон стала законодательницей мод в Лондоне, введя в обиход муслиновые платья свободного кроя «в греческом стиле», получившие название «Пердита». Сам Георг, или «Принни», как его прозвали в светском обществе Лондона, тоже был известным модником и сиятельным другом бесподобного Джорджа Брамелла. Как пишет Теккерей: *«Наш принц начал свою жизнь с подвига, вполне достойного его будущих свершений: он изобрел новую пряжку на башмаках. Она имела один дюйм в длину и пять дюймов в ширину, «закрывая почти весь подъем и доставая до полу с обеих сторон». Какое очаровательное изобретение, изящное и полезное, как и сам принц, на чьей ноге оно блистало!»*

Вдохновенный роман «Пердиты» и «Флоризеля» завершился внезапно в 1781 году. Принц, изычными манерами которого так восхищались в свете, порвал с миссис Робинсон «внезапно и хладнокровно», поступив, по словам Пристли, «действительно, очень плохо». «Вероятно, – писал он, – она была пустой и глупенькой красоткой, а он тогда не смог оценить ее скромность и здравомыслие, что, впрочем, было недоступно для него и в дальнейшем. Причина, по которой он ее так жестоко отверг, была простая – скука и жажда перемен. Любовная история Флоризеля и Пердиты подошла к концу. С этого момента и на протяжении последующих сорока лет он будет руководствоваться одним принципом – получать удовольствие любой ценой. В этом – секрет его обаяния, его глупости, его внутренней пустоты».

Брошенная принцем, Мэри Робинсон стала изгоем общества, на сцену она тоже вернуться не могла. Чтобы иметь хоть какие-то средства к существованию, она выторговала у королевской семьи небольшую ежегодную ренту в обмен на некоторые любовные письма принца и молчание по поводу их отношений. Примечательно, что обещан-

ные еще в начале их знакомства двадцать тысяч фунтов принц Уэльский так и не заплатил.

Достигнув в 1783 году совершеннолетия, будущий Георг IV получил в качестве личной резиденции Карлтон-Хаус и годовое содержание в размере 50 000 фунтов. Тогда же парламент, наконец-то, решил вопрос о погашении многочисленных долгов наследника, которые к тому времени уже превышали

30 000 фунтов. Переехав в собственный дворец, вышедший из-под родительской опеки принц повел себя достаточно предсказуемо: как и многие другие наследники престола, он постарался максимально дистанцироваться от отца. Принц Уэльский не желал быть бледной копией короля, он жаждал стать самостоятельной и, что немаловажно, влиятельной персоной, иметь свое окружение, свои политические

Королевский театр Друри-Лейн.
Гравюра из книги Роберта Адама
«Работы в области архитектуры. Том II»
(1779 г.)

взгляды и мировоззрение, свой стиль жизни. Поэтому поскольку в окружении короля преобладали тори (что, конечно, естественно), то

наследник немедленно окружил себя вигами.

Как показало время, принц Уэльский никогда не имел каких-

Достигнув в 1783 г. совершеннолетия, будущий Георг IV получил в качестве личной резиденции Карлтон-Хаус и годовое содержание в размере 50 000 фунтов. Тогда же парламент, наконец-то, решил вопрос о погашении долгов наследника, которые к тому времени уже превышали 30 000 фунтов.

либо определенных политических убеждений. Он всегда действовал по ситуации, под влиянием момента. Общение с великим Чарльзом Джеймсом Фоксом, грозным и великолепным Эдмундом Берком, блестящим и остроумным Ричардом Шериданом никак не повлияло на его умственные способности. В отличие от других лидеров вигов, Берк не был собутыльником принца, не участвовал в буйных вечеринках в Карлтон-Хаус. Шеридан же в своей частной жизни был ленив, расточителен и распутен. Еще больший контраст представляла собой личность Фокса. Темноволосый, плотного телосложения, сладострастный кутила и игрок, он все же обладал огромным обаянием и был одним из великих людей своего времени. Блестящий полемист, он считается лучшим участником дебатов в палате общин за всю историю английского парламента, а также крупнейшим государственным деятелем. У него хватило мудрости и мужества, чтобы приветствовать Французскую революцию, и если бы его политическая линия получила одобрение большинства, то, возможно, Наполеон никогда бы не пришел к власти и весь последующий ход мировой истории был бы совершенно иным. Однако в личной жизни Фокс пренебрегал всеми возможными правилами приличия, был по-настоящему безрасуден. Ночи напролет он проводил за игровым столом, выбрасывая на ветер огромные деньги, залезая все глубже и глубже в долги. Он открыто жил с любовницей миссис Армистед (или Армстед, согласно некоторым источникам), с которой до этого восемь лет просто дружил, а в конце жизни вообще сделал своей женой.

Любовная связь Фокса получила широкий резонанс еще и потому, что миссис Армистед была известной куртизанкой своего времени. Урожденная Элизабет Бриджет Кейн, она родилась в Гринвиче в семье не то зеленщика, не то грузчика. Обладая эффектной внешностью, она

Портрет Грейс Далримпл.
Худ. Томас Гейнсборо. 1778 г.
Музей Метрополитен, Нью-Йорк.

отказано в приеме, он буквально ногой вышиб дверь ее спальни и обнаружил за дверью съжившегося от страха принца Уэльского. Расхохотавшись, лорд Кавендиш низко поклонился и вышел. Говорят, что он продолжал смеяться всю дорогу до дома.

Многие в Лондоне хохотали, услышав эту историю. Не смеялась только «Пердита», та самая Мэри Робинсон, место которой в сердце принца теперь заняла «эта Армистед». Так как обе женщины были известными персонами, история их соперничества достаточно подробно задокументирована современниками. Муки миссис Робинсон не продлились слишком долго – вскоре принц Уэльский бросил миссис Армистед ради еще одной известной куртизанки Грейс Далримпл Эллиот. Правда, сама Элизабет подцепила еще одну крупную рыбку – Джеймса Фокса. Тот, в свою очередь надеялся забыть в ее объятиях неудачу с «Пердитой»: видимо, он надеялся, что предыдущая любовница принца перейдет ему, так сказать, «по наследству», но женщина оказалась неговорчивой. Ни миссис Армистед, ни Джеймс Фокс не подозревали, что, в конце концов, действительно, полюбят друг друга. Правда, Элизабет Армистед привыкла жить на широкую ногу, а Фокс за годы распутства и мотовства значительно поиздержался, но она, в конце концов, все же уступила его ухаживаниям и в 1783 году тайно вышла за него замуж. Непостижимым образом эти два человека, известные своим распутством и беспринципностью, превратились в образец семейного счастья. В своем уютном лондонском доме они устраивали званые обеды и увлеченно занимались садоводством!

Однако вернемся к Георгу, принцу Уэльскому, который в погоне за наслаждением продолжал менять любовниц как перчатки. Интрижка с миссис Эллиот была недолгой, но плодотворной: в 1782 году женщина

решила с помощью природных данных добиться успеха, а точнее – попасть «из грязи в князи». Свой путь вверх она начала в одном из самых известных публичных домов Лондона уже под вымышленным именем «миссис Армистед» (видимо, не желая позорить семью). Именно там она встретила своего первого (официально задокументированного) покровителя – Фредерика Сент-Джона, 2-го виконта Болинброка. По его протекции девушка попала на сцену Друри-Лейн, но большого успеха там не снискала. Однако ее сексуальная карьера развивалась в высшей степени успешно. Красота и кроткий нрав обеспечили миссис

Армистед популярность среди богатых клиентов, аристократы сами добивались ее внимания, а ей оставалось только выбирать самого богатого и достойного. Среди длинного списка ее побед можно назвать герцогов Дорсета и Анкастера, графа Дерби, лорда Джорджа Кавендиша (брата герцога Девонширского), и, конечно, самого принца Уэльского. Элизабет была настолько хороша в своем деле, что вскоре смогла приобрести в Лондоне дом, известный теперь как Армистед-Хаус. Известна история о том, как однажды лорд Кавендиш ввалился в дом миссис Армистед совершенно пьяный и без приглашения. Когда ему было

Публика на спектакле в Друри-Лейн. Худ. Томас Роулэндсон. Около 1785 г. Акварель. Коллекция Пола Меллона, Йельский центр английского искусства, Нью-Хейвен.

родила дочь, которая при крещении была записана как *«Джорджиана Фредерика Августа Эллиотт, дочь Его Королевского Величества Георга, принца Уэльского и Грейс Эллиотт»*, хотя тот и не признал отцовства. Параллельно (с 1780 по 1784 годы) Георг крутил роман с Элизабет Лам, виконтессой Мельбурн, четвертый сын которой, родившийся в июле 1784 года, считался сыном принца. Мельбурн-Хаус на Пикадилли был одним из известных мест в Лондоне, где любили собираться сторонники вигов. Его остроумная и обворожительная хозяйка часто развлекала Чарльза Джеймса Фокса, Джорджа Каннинга и Чарльза Грея. Позднее Ричард Шеридан вложил остроумные реплики леди Мельбурн в уста леди Тизл, героини «Ярмарки тщеславия». Несмотря на большой интерес к своей персоне со стороны дам высшего света, Георг не проходил и мимо других хорошеньких женщин. Известно о его в буквальном смысле мимолетном романе с женой

контрабасиста оркестра Друри-Лейн Элизабет Биллингтон, а также с красивой молодой певицей и актрисой Анной Марией Крауч. С последней интрижка случилась в Брайтоне уже в начале 1790-х годов, когда впереди уже явно маячила женитьба, а место официальной любовницы занимала мorganатическая жена миссис Фицгерберт. В качестве «отступных» миссис Крауч получила от принца 10 000 фунтов.

В сопровождении Фокса и Шеридана принц Уэльский проводил ночи в распутстве и кутежах, словно бы стараясь бросить вызов подчеркнуто аскетичному образу жизни своего отца. Отношения между королем и наследником становились все более напряженными. Во многом, Георг III собственными руками бросил сына в объятия Фокса и Шеридана. Скука и скарденность, царившие при королевском дворе, была

Известна история о том, как однажды лорд Кавендиш ввалился в дом миссис Армистед совершенно пьяный и без приглашения. Когда ему было отказано в приеме, он буквально ногой вышиб дверь ее спальни и обнаружил за дверью съездившегося от страха принца Уэльского. Расхохотавшись, лорд Кавендиш низко поклонился и вышел.

Гулянье в Сент-Джеймском парке. Худ. Эдвард Дейс. 1790 г. Акварель. Музей Виктории и Альберта, Лондон.

Лестница на выставку или выставка на лестнице. Худ. Томас Роулэндсон. Офорт, акварель. ➔ Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, Москва.

невыносимы для энергичного, пышущего здоровьем и жаждой деятельности юноши. К сожалению, выход из этого тупика он нашел довольно тривиальный, но соответствующий поверхностному образованию и скудным от природы умственным способностям. Еще одной ошибкой Георга III стало решение предоставить сына самому себе в Карлтон-Хаусе. При этом король попытался умерить аппетиты принца, назначив ему содержание всего в 50 000 фунтов, что было вполуполовину меньше

обычной для старших сыновей суммы в 100 000. Таким образом он надеялся приучить сына ценить деньги, но, конечно же, мера возымела прямо противоположный эффект.

К 1787 году долги принца были уже столь велики, что он даже вынужден был съехать из роскошного Карлтон-Хауса и поселится в небольшом съемном доме в Брайтоне. Продемонстрировав всем искреннее раскаяние и выразив желание «начать новую жизнь», он добился того, что парламент решил выпла-

тить ему 180 000 фунтов на погашение долгов, а также увеличить годовой доход еще на 10 000 фунтов. С каждым годом непомерные аппетиты принца Уэльского все росли, а вместе с ними – и долги. Часть денег на его содержание поступала из королевской казны, другая – из государственных средств, предоставляемых по решению парламента. Когда Англия вступила в войну с Францией, подобные бессмысленные траты на развлечения стали безмерно раздражать всех, от министров до ярых радикалов, от членов королевской семьи до рядовых представителей пуританского среднего класса. Популярность «Принца» стала стремительно падать.

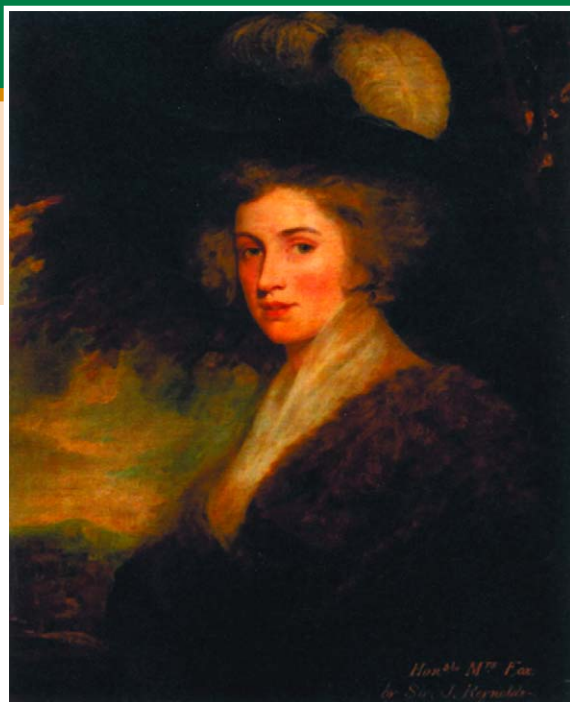
Примерно в 1784 году принц Уэльский увлекся добропорядочной католичкой Марией Анной Фицджерберт. Как и его прежние увлечения, эта красивая вдовушка была старше его на несколько лет и имела пышные формы. Она понимала, что брак в данной ситуации невозможен, поэтому предпочла сбежать от нас-

В сопровождении Фокса и Шеридана принц Уэльский проводил ночи в распутстве и кутежах, словно бы стараясь бросить вызов подчеркнуто аскетичному образу жизни своего отца. Отношения между королем и наследником становились все более напряженными.

EXHIBITION
STARE CASE.

Портрет Элизабет Армистед.
Худ. Джошуа Рейнольдс.

Внизу:
«Королевская шутка или Удовольствие от Блек-Джека». Карикатуре Джеймса Гиллрея на принца Уэльского. 1788 г.

тойчивых ухаживаний пылко юнца на континент. Принц сделал официальное предложение, она еще раз подумала и через некоторое время... вернулась в Англию. Влюбленные поженились в гостиной лондонского дома миссис Фицгерберт 15 декабря 1785 года. Церемония проходила в строжайшей тайне, в присутствии только двух свидетелей и личного священника принца, преподобного Роберта Барта². Следующие 26 лет морганатические супруги прожили вместе, хотя и в разных домах. Даже после официальной женитьбы Георга на Каролине Брауншвейгской он продолжал поддерживать отношения с миссис Фицгерберт.

По английским законам этот брак считался недействительным, прежде всего потому, что согласно Биллю о правах 1689 года любой наследник престола, женившийся на католичке, уже не мог претендовать на трон. В Королевском Законе о браке 1772 года

написано, что для свадьбы принца или принцессы требовалось обязательное согласие короля и Тайного совета. Так как миссис Фицгерберт была католичкой, да еще и дважды вдовой, король Георг III никак не мог дать согласие на брак. Влюбленные это понимали и, тем не менее, оба пошли на это. Если мотивы принца можно вполне объяснить легкомыслием и привычкой ис-

² По слухам, принц Уэльский выплатил его долги (500 фунтов), за которые священник чуть было не попал в тюрьму Флит. Сведения эти не подтверждены, поскольку Роберт Барт происходил из весьма состоятельной семьи, сколотившей состояние в Вест-Индии. Так или иначе, но все священники, к которым обращался Георг, отказались сочетать его браком с католичкой, и только Барт по каким-то причинам согласился.

Портрет Чарльза Джеймса Фокса.
Худ. Роберт Дайтон. Около 1801 г.

Внизу:

«Национальная ассамблея, или Великая встреча в Сент-Эннс-Хилл». Карикатура Джеймса Гиллрея на собрание иго в доме миссис Армистед и Джеймса Фокса. 1804 г. Национальная портретная галерея, Лондон.

полнять любые свои желания, то на что надеялась его новоиспеченная «супруга» – не вполне ясно. В обществе тогда ходили слухи, что вдовушка была беременна, и, будучи ярой католичкой, сильно переживала относительно рождения ребенка вне брака. Здесь следует напомнить, что до встречи с принцем Уэльским Мария Анна Фицгерберт имела кристальную репутацию и занимала довольно высокое положение в обществе. Возможно, вдовушка действительно питала нежные чувства к Георгу, но, наверное, еще и надеялась, что при любом раскладе получит значительное содержание и не потеряет в статусе. Забегая вперед, можно сказать, что большая часть ее надежд оправдалась. Она не стала парией в высшем свете и даже общалась с членами королевской семьи, правда, не в качестве «принцессы Уэльской», а только «миссис Фицгерберт».

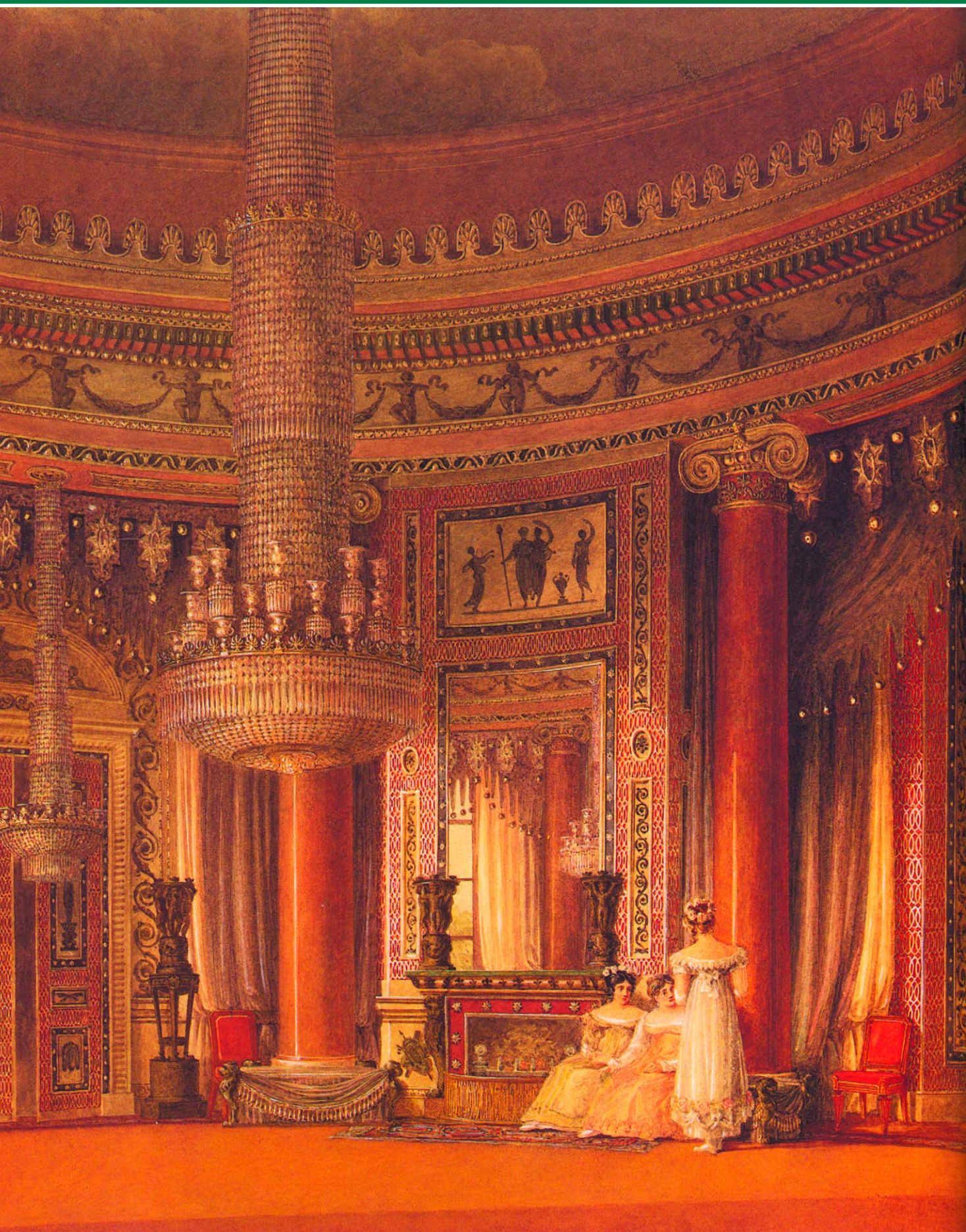
В отношениях этой пары не было ничего мелодраматического. Он был легко увлекающимся юнцом, не привыкшим отказывать себе даже в мимолетных желаниях. А она – весьма практичной и проницательной женщиной, которая воспользовалась ситуацией. Все историки склоняются к тому, что Георг, действительно, сильно привязался к миссис Фиц-

ождать постоянства в чувствах от такого эмоционально распущенного легкомысленного повесы, а ее поздние сцены ревности были вызваны, скорее всего, уязвленным самолюбием, а не раненым сердцем. Однако она, действительно, оказалась самой важной женщиной в его жизни, и самой сильной привязанностью. Можно сказать даже, что он ее любил, в той степени, в какой он вообще мог испытывать подобные чувства.

герберт, а она всего лишь позволяла себя любить. Якобы, она даже признавалась в том, что ее привлекла не личность принца, а его положение. Она, конечно, понимала, что бессмысленно

В 1788 году у короля Георга III случился первый длительный приступ безумия, и встал вопрос о возможном скором регентстве принца Уэльского, а значит и необходимости вступления в законный брак. К 1794 году кредиторы стали опять наследать на принца, но ни расплатиться с ними, ни урезать свои расходы у наследника не получалось. Новый роман с женой собственного шталмейстера Джорджа Вилльерза, 4-го графа Джерси также никак не способствовал экономии. Сорокалетняя Фрэнсис Вилльерз – эта «блестящая светская дама, пьянящая смесь шарма, красоты и сарказма» – была известна своими романами со многими представителями английской аристократии. В 1793 году в ее сети попался и принц Уэльский, вернувшийся в Лондон из Брайтона. Судя по всему, оставшаяся в Брайтоне миссис Фицгерберт не слишком переживала по этому поводу, хотя графиня Джерси не скры-

Слева:

Круглая столовая в Карлтон-Хаус.
Худ. Джордж Пайн. 1819 г.
Акварель и гуашь.
Частное собрание.

Справа:

Портрет Ричарда Бринсли Шеридана.
Худ. Джон Хоппнер.

вала свою очередную победу на любовном фронте.

23 июня 1794 года миссис Фицгерберт получила письмо, в котором сообщалось о том, что ее отношения с принцем закончились, и ей назначено ежегодное содержание в 3 000 фунтов. Георг признался своему младшему брату Фредерику, герцогу Йоркскому и Олбанскому, в том, что они с Марией *«расстались, но расстались полюбовно»*, а ему самому придется жениться на двоюродной сестре, герцогине Каролине Брауншвейгской. Такое условие поставил ему Георг III, в обмен на обещание выплатить в день свадьбы все долги, а они на тот момент составляли уже 630 000 фунтов, колоссальную по тем временам сумму. После свадьбы ежегодное содержание принца было увеличено более чем вдвое. Кроме того, принц получил и единовременные выплаты на конкретные цели – 26 000 на подготовку к свадьбе, 28 000 на завершение отделки Карлтон-Хауса, 28 000 на ювелирные украшения и столовое серебро. Всего перед свадьбой

принц Уэльский получил около 700 000 фунтов.

Невестой принца стала дочь сестры Георга III Августы и герцога Брауншвейгского. Казалось бы, все складывается удачно: будущая королева была протестанткой, а союз с маленьким германским государством укреплял позиции Британии на

континенте, что было немаловажно в свете идущей войны с революционной Францией. К несчастью, время показало, что это был все же плохой выбор. Как писал Д.-Б. Пристли, *«в нем участвовали две нестабильные семьи, соединившие двух нестабильных людей, которые прежде в глаза друг друга не видели»*.

Ричард Бринсли Шеридан (1751-1816 гг.) родился в Дублине. Его отец Томас Шеридан – известный актер и театральный деятель, преподаватель риторики; мать, Френсис Шеридан, – автор популярных романов и пьес. В 1758 году семья переехала в Лондон, а через несколько лет – в Бат. Шеридан получил домашнее образование, а в 1762-1769 годах Шеридан учился в Харроу. В 1771 году в Бате он встретил прелестную шестнадцатилетнюю певицу Элизабет Анну Линли и в 1772 году сбежал с нею во Францию. Отец Анны вернул беглецов и разлучил их, но в 1773 году, окончив занятия в Уолтемском аббатстве, Шеридан добился, чтобы их венчание с Линли во Франции было официально признано.

Когда в 1776 году Д. Гаррик ушел из театра «Друри-Лейн», Шеридан и его тесть Линли с другом выкупили его долю, и в 25 лет Шеридан стал руководителем театра, сохранив этот пост, несмотря на множество неудач и просчетов, почти до конца жизни. Его «Школа злословия» (1777 г.) – лучшая комедия нравов XVIII века и одна из вершин комедиографии, однако, он всегда воспринимал литературу и театр лишь как способ подняться по социальной лестнице.

В начале 1780-х годов Шеридан внезапно отходит от театра, что объясняется вспыхнувшим в нем интересом к политике. С 1780 по 1812 год он был членом парламента от различных избирательных округов, поддерживая лидера радикального крыла вигов Ч. Дж. Фокса; занимал различные посты на протяжении этого периода, в 1806 году был назначен казначеем морского флота и членом Тайного совета.

Последние годы жизни Шеридана протекали несчастливо. Его жена умерла в 1792 году, второй брак был неудачным. В 1809 году сгорел театр. В 1812 году партия вигов потеряла власть, и на следующий год он был заключен в тюрьму за долги. Всеми забытый, Шеридан умер 7 июля 1816 года в Лондоне.

Нимфа и Купидон. Худ. Генри Боун. 1807 г. Эмаль на меди. Королевское собрание.

Эта миниатюра – копия живописного полотна сэра Джошуа Рейнольдса, выставлявшегося в Королевской Академии под названием «Венера и Купидон». Миниатюрное повторение Генри Боуна было выполнено по заказу Георга, принца Уэльского для интерьера его спальни в Карлтон-Хаус.

День свадьбы оказался полной катастрофой для всех заинтересованных в этой церемонии лиц».

Начнем с того, что военно-морская эскадра, посланная для сопровождения Каролины от немецкого побережья до Гринвича, из-за плохой погоды вынуждена была по-

вернуть назад, а прибытие невесты отложили на несколько недель. К тому же сопроводить ее от Гринвича до Сент-Джеймского дворца поручили любовнице принца леди Джерси. Правда, в данном случае более правдоподобной выглядит версия о том, что придворная дама сама сделала все возмож-

Элизабет Лам, виконтесса Мельбурн.
Худ. Ричард Козуэй. 1784 г.
Королевское собрание.

Внизу:

Йорк-Хаус, Уайтхолл.

Акватинта Т. Молтона из книги «Живописное путешествие по Лондону и Вестминстеру» (1792 г.)
Британский музей, Лондон.

Йорк-Хаус или Доувер-Хаус был построен в 1750-е годы Джеймсом Пейном для сэра Мэтью Федерстонхо, а затем перестроен Генри Флиткрофтом для Джорджа Монтагью, ставшего 1-м герцогом Монтагью. Позднее Монтагью-Хаус купил принц Фредерик, герцог Йоркский, и с 1788 по 1792 гг. здесь снова велись строительные работы, теперь уже под руководством Генри Холланда.

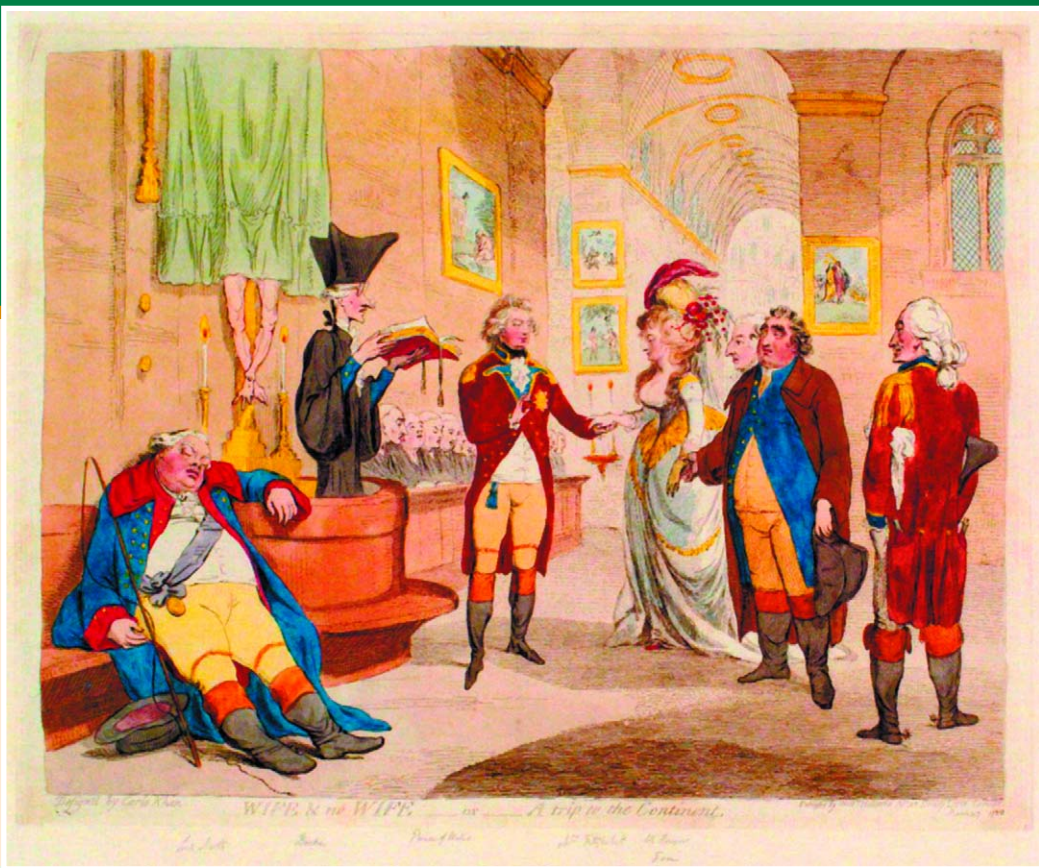
С 1793 по 1830 года особняк принадлежал семье Мельбури и, естественно, назывался Мельбурн-Хаус.

ное, чтобы стать «первой английской подругой» невесты наследника, а конкретно – ее камер-фрау. Однако худшее было еще впереди. При первой же встрече будущие супруги сразу почувствовали друг к другу сильную неприязнь. «Он очень толстый и совсем не такой красивый, как на портрете», – таков был вердикт Каролины Брауншвейгской. А в это время Георг шептал на ухо Джеймсу Харрису, лорду Малмсбери, сопровождавшему герцогиню из Браунш-

The Humbug Wedding

«Жена и не жена, или поездка на континент». Карикатура Джеймса Гиллрея на бракосочетание принца Уэльского и миссис Фицджерберт. 1786 г. Национальная портретная галерея, Лондон.

вейга: *«Мне плохо, Харрис! Молю, дайте мне стакан бренди»*. Конечно, Каролина не могла сравниться с такой ослепительной красавицей как, например, Мэри Робинсон, но в возрасте двадцати семи лет она еще была довольно мила. Правда, герцогиня не отличалась грациозностью, была довольно неуклюжа, а порой и вульгарна, что для английского высшего общества эпохи

Браммелла было просто смерти подобно. По едкому замечанию лорда Малмсбери новоиспеченной принцессе Уэльской недоставало рассудительности, воспитанности и такта, она была слишком откровенна в выражении собственного мнения и склонна к необдуманным поступкам, к тому же *«пренебрегала мытьем или заменой грязной одежды»*.

При первой же встрече будущие супруги сразу почувствовали друг к другу сильную неприязнь. «Он очень толстый и совсем не такой красивый, как на портрете», – таков был вердикт Каролины Брауншвейгской. А в это время Георг шептал на ухо Джеймсу Харрису, лорду Малмсбери, сопровождавшему герцогиню из Брауншвейга: *«Мне плохо, Харрис! Молю, дайте мне стакан бренди»*.

← «Ложная свадьба». Английская гравюра XVIII в.

На карикатуре высмеивается тайное бракосочетание принца Уэльского и миссис Фицджерберт, состоявшееся 21 декабря 1785 года. В руках у короля Георга III и королевы Шарлотты, входящих в спальню «молодоженов», – парламентский акт, запрещающий принцам вступать в брак без королевского согласия. На стене висит портрет Чарльза Джеймса Фокса, который, как считается, всячески потворствовал намерениям принца Георга.

«Утро после свадьбы, или Сцена на континенте». Карикатура Джеймса Гиллрея на принца Уэльского и миссис Фицгерберт. 1786 г. Национальная портретная галерея, Лондон.

8 апреля 1795 года в королевской часовне Сент-Джеймского дворца состоялось венчание, подробности которого Георгу не запомнились, поскольку в тот день он был мертвецки пьян. Несмотря на крайнее неприятие с первого взгляда, принц и принцесса Уэльские каким-то удивительным образом смогли почти сразу же произвести на свет ребенка – принцессу Шарлотту. Шансов на это у них, действительно, было мало, так как по признанию самого принца, он смог побороть свое отвращение к жене только три раза: первые два случились во время первой брачной ночи, и один – на следующий день. *«Мне потребовалось много усилий, чтобы преодолеть чувство отвращения»*, – писал он в письме приятелю. Каролина, в свою очередь, с не меньшей антипатией вспоминала: *«Он был так пьян, что большую часть брачной ночи провел на полу у каминной решетки, где сам же свалился, и где я его оставила валяться»*.

Уже за несколько месяцев до рождения дочери Георг и Шарлотта приняли решение жить раздельно, хотя первое время и оставались в одном здании. Конкретную причину расставания никто не называл, однако есть достаточное количество намеков, позволяющих говорить о том, что принц просто отказался выполнять супружеские обязанности.

Слухи о неудачном браке Георга уже повсюду циркулировали в английском обществе. В газетах писали, что леди Джерси вскрывает все частные письма принцессы Каролины и всем рассказывает их содержание. Пресса поносила Георга за расточительство и любовь к роскоши, в то время как бедная принцесса не могла и шагу ступить без его разрешения. Все сочувствовали бедной Каролине, которая заслужила одобрение народа благодаря *«обворожительной фамильярности»* в общении

и легкому, открытому нраву. Принца Уэльского такая популярность жены приводила в уныние. В браке с этой женщиной он чувствовал себя как в ловушке.

13 января 1796 года, спустя три дня после рождения дочери, принц Уэльский написал завещание, в котором всю *«земную собственность»*³ оставил *«моей Марии Фицгерберт»*,

² Своей законной жене Каролине он оставил «один шиллинг».

— or — *A scene on the Continent*

Henry Georgey fecit

моей жене, жене моего сердца и души», которая, хотя по закону страны и «не могла публично носить мое имя, в глазах Неба она всегда была, есть и будет моей законной женой...». Несмотря на столь нежные чувства воссоединения не последовало.

Принц добивался прощения у своей «второй половины» в течение всего лета 1798 года. К этому времени он уже бросил ненавистную Каролину и дал отставку леди Джерси. Последняя была крайне заинтересована в сохранении своего статуса офи-

циальной королевской любовницы и чувствовала, что королева представляет для нее меньшую угрозу, чем миссис Фицгерберт. Морганатические супруги помирились после того, как римский Папа признал их брак законным. Примерно до 1807 года они жили вместе в Брайтоне, затем отношения опять расстроились, и в 1811 году они, наконец, навсегда расстались.

Расставание было болезненным и произошло по инициативе Марии, которая обиделась на Георга за то, что во время празднования по поводу начала его регентства за ней не было закреплено специальное место за королевским столом. Почувствовав себя смертельно оскорбленной, женщина, видимо, наговорила бывшему любовнику много обидных слов, поскольку все последующие годы принц-регент не выносил даже звуков ее имени. По воспоминаниям современников, во время первых лет его правления уже в качестве короля Георг почему-то с крайним раздражением, даже ненавистью воспринимал все, что так или иначе было связано с миссис Фицгерберт и некоторыми его бывшими приятелями. Имя своей бывшей любовницы он упоминал «с чувством отвращения и ужаса», утверждая, что их союз «был фальшивым... просто, чтобы доставить ей удовольствие; что это не был настоящий брак, поскольку он не может быть таковым без соответствующего удостоверения или какого-либо документа». На самом деле у миссис Фицгерберт были какие-то документы, ведь после их окончательного разрыва она не раз требовала увеличения ежегодного содержания и отдельных выплат, угрожая предать гласности имеющиеся бумаги.

Несмотря на столь печальное завершение этой истории, она получила неожиданное продолжение уже перед самым закрытием занавеса. В июне 1830 года уже умирающий Георг IV внезапно с жадностью

«Bandelures». Карикатура Джеймса Гиллрея на короля Георга IV, миссис Фицгерберт и Ричарда Бринсли Шеридана. 1791 г. Национальная портретная галерея, Лондон.

Портрет миссис Фицгерберт. Худ. Ричард Козуэй. Около 1792 г. ➔

Во время первых лет его правления уже в качестве короля Георг почему-то с крайним раздражением, даже ненавистью воспринимал все, что так или иначе было связано с миссис Фицгерберт и некоторыми его бывшими приятелями. Имя своей бывшей любовницы он упоминал «с чувством отвращения и ужаса», утверждая, что их союз «был фальшивым...»

прочитал письмо от миссис Фицгерберт, в котором та желала ему «скорейшего выздоровления», а после даже спрятал его под подушку. Перед смертью он надел на шею медальон с ее миниатюрным портретом, в котором и завещал себя похоронить. Его морганатическая жена не знала, что отправляла письмо уже смертельно больному человеку, поэтому, не получив ответа, была крайне обижена. Она пережила Георга на семь лет.

Что касается принцессы Каролины, то в августе 1797 года она

The LOVER'S DREAM.

"A thousand Virtues seem to lackey her, Driving far off each thing of Sin & Guilt." Milton.

Pub. Jan. 24. 1795. by H. Humphrey, No. 37. New Bond Street.

«Сон любовника». Карикатура Джеймса Гиллрея на принца Уэльского. 1795 г. Национальная портретная галерея, Лондон.

Карикатура вышла из печати накануне свадьбы принца Уэльского и Каролины Брауншвейгской. Гиллрей, как и большинство его соотечественников, не сомневался в том, что главной причиной женитьбы были огромные долги принца.

Видимо, общения с дочерью все же не хватало, иначе как можно объяснить тот факт, что принцесса Каролина устроила у себя в доме своеобразный детский приют, собрав под своим крылом восемь или девять бедных детишек из окрестных домов.

поселилась в собственной резиденции в Чарлтоне, а позднее переехала в Монтагью-Хаус в Блэкхите. Поскольку в своем последнем письме Георг предложил ей «использовать наилучшим образом ситуацию, неприятную для обоих», она, согласно слухам, не стала отказывать себе в развлечениях. Маленькая Шарлот-

та жила в это время с гувернантками в особняке неподалеку от Монтагью-Хаус, и мать часто ее навещала. Видимо, общения с дочерью все же не хватало, иначе как можно объяснить тот факт, что принцесса Каролина устроила у себя в доме своеобразный детский приют, собрав под своим крылом восемь или

девять бедных детишек из окрестных домов. В 1802 году она усыновила трехмесячного Уильяма Остина, породив тем самым слухи о том, что она же сама его и родила от одного из любовников. В результате этого странного образа жизни в 1804 году принц Уэльский затеял судебное разбирательство, чтобы получить

Портрет Фрэнсис Вилльерз, графини Джерси. Худ. Томас Бич. Аукцион «Сотбис».

единоличную опеку над дочерью. Суд счел слухи о неподобающем образе жизни принцессы «необоснованными», но посещения дочери все же ограничил. С этих пор она могла видеть Шарлотту только раз в неделю и непременно в присутствии собственной матери, вдовствующей герцогини Брауншвейгской. Свидания происходили в Блэкхите или личных апартаментах Каролины в Кенсингтонском дворце.

Задолго до расставания с миссис Фицгерберт, еще в 1807 году у Георга начался новый, двенадцатилетний роман с ее же собственной приятельницей – пышнотелой Изабеллой Сеймур-Конуэй, маркизой Хертфорд. Заметив, что принц проявляет явный интерес к его жене, маркиз Хертфорд сначала пытался помешать их отношениям, отправив жену в Ирландию. Однако, зная Георга, можно было заранее предположить провал данной затеи. Принц стал постоянно бывать в их лондонском доме, и результатом такого плотного общения стала резкая перемена в его политических пристрастиях: из сторонника вигов он превратился в приверженца тори.

«Джерси обнаруживает контрабандиста, или Хорошая причина для расставания». Карикатура Джеймса Гиллрея на принца Уэльского, леди Джерси и миссис Фицгерберт. 1796 г. Британский музей, Лондон.

Свадьба
Георга, принца
Уэльского
и Каролины
Брауншвейгской
в Сент-Джейм-
ском дворце.
Худ. Генри Син-
глтон. 1795 г.
Королевское
собрание.

Портрет Изабеллы Сеймур-Конуэй, маркизы Хертфорд. Худ. Джон Хоппнер. 1800 г.

Не случайно некоторые историки задаются вопросом: по своему ли желанию Изабелла Хертфорд, которую называли «*принцессой тори*», легла в постель к принцу-регенту? Говорят, что их отношения продолжались до 1819 года, а ведь Изабелле тогда уже было 60 лет!

Однако вернемся в 1811 год, когда принц-регент окончательно

расстался с миссис Фицгерберт. К концу 1810 года состояние короля Георга III стало настолько критическим, что 8 февраля 1811 года принц Уэльский был провозглашен принцем-регентом.

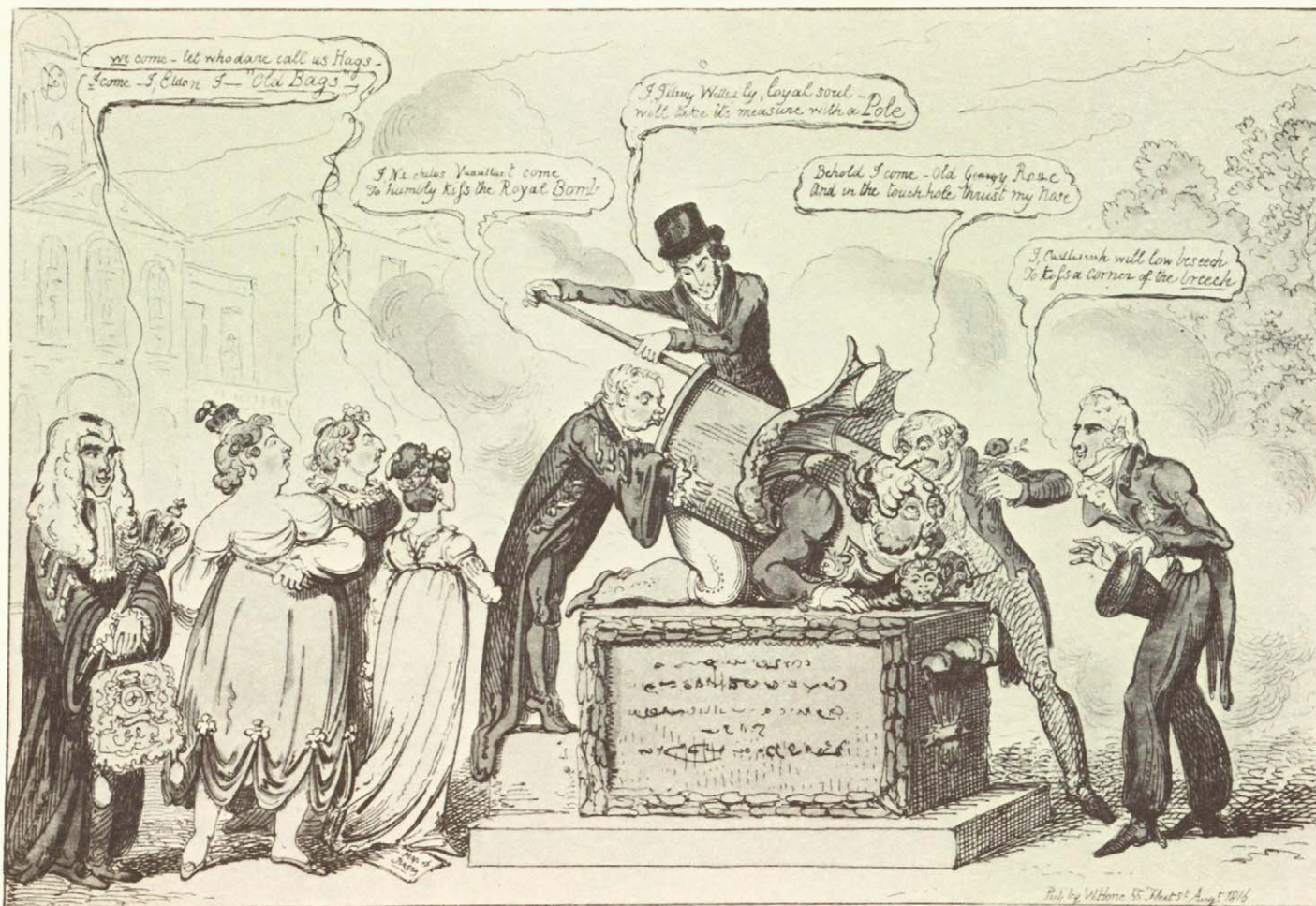
Эпоха Регентства считается блестящим периодом в английской истории и культуре. Особый блеск ей придала победа над Наполеоном

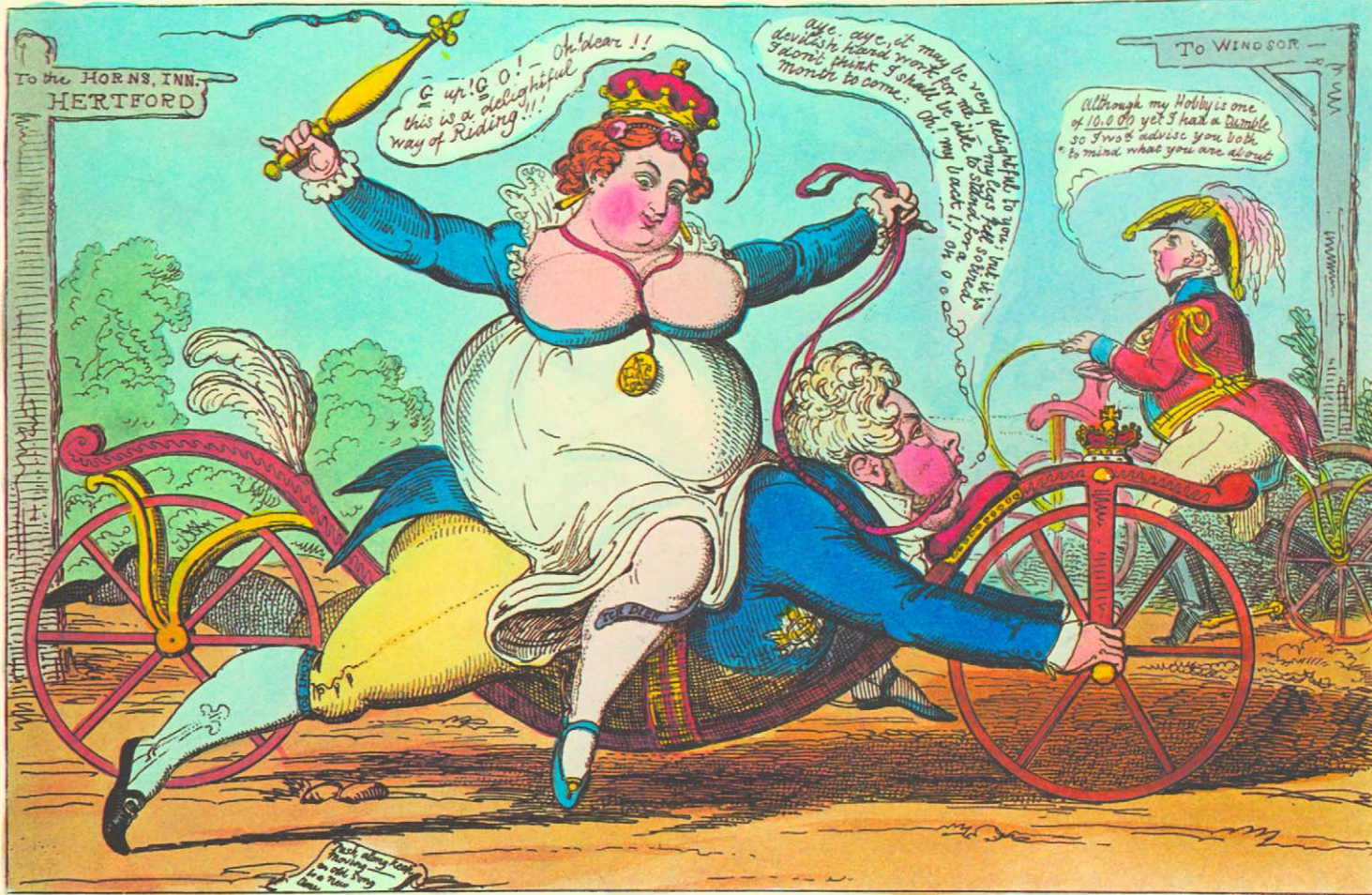
Внизу:

«Салют из регентовской бомбы, обнаруженной в день его рождения». Карикатура Джорджа Крукшенка. 12 августа 1816 года.

Эта карикатура была вдохновлена торжественным открытием парада Королевской конной гвардии в день пятидесятичетырелетия принца-регента и представлением публике подарка от испанского королевского двора – богато декорированной мортиры. В народе мортиру сразу же окрестили «бомбой», так как английское слово *bomb* по произношению напоминает слово *bit* – «задница».

Слева изображены «три грации» принца-регента: пятидесятишестилетняя леди Хертфорд, шестидесятилетняя Мария Фицгерберт и шестидесятитрехлетняя леди Джерси. В тот период все три дамы появлялись одновременно на балах принца-регента. Рядом с женщинами, у края листа, стоит лорд Элдон, занимавший должность лорда-канцлера, а поэтому держащий в руках полагающиеся ему жезл и набитую шерстью подушку. Другие персонажи – канцлер казначейства Николас Ванситтарт; Уильям Поул-Тилли-Лонг-Уэллсли, известный тем, что женился на богатой наследнице Кэтрин Тилли-Лонг, отвергнутой невесте герцога Кларенса (будущего короля Вильяма IV); мужчина в шароварах – лорд Каслрей (Роберт Стюарт, 2-й маркиз Лондондерри); и, наконец, Джордж Роуз, известный адвокат и репортер.

Эпоха Регентства считается блестящим периодом в английской истории и культуре. Особый блеск ей придала победа над Наполеоном при Ватерлоо в 1815 г. Англия становится законодательницей мод на континенте – всюду царит «англо-мания»: у всех на устах имя Веллингтона, модники сражаются за правильно завязанный галстук «как у Браммелла», дамы читают романы Скотта и стихи Байрона.

«Королевский велосипед, или Хертфордширский жеребец». Карикатура Джорджа Круикшенка. 20 апреля 1819 года.

В начале 1819 года в Лондоне наблюдалось повальное увлечение недавно изобретенным велосипедом, называвшимся тогда *hobby* («конёк»), что нашло отражение в многочисленных карикатурах. Эта карикатура Круикшенка – одно из наиболее выразительных изображений принца-регента и его любовницы леди Хертфорд. На заднем плане можно увидеть герцога Йоркского, направляющегося на велосипеде в Виндзор.

при Ватерлоо в 1815 году. Англия становится законодательницей мод на континенте – всюду царит «англо-мания»: у всех на устах имя Веллингтона, модники сражаются за правильно завязанный галстук «как у Браммелла», дамы читают романы Скотта и стихи Байрона. Флагманом новой эстетики выступает новая английская архитектура,

тон в которой задает любимый архитектор принца-регента Джон Нэш.

Однако этот яркий свет погас 6 ноября 1817 года, когда единственная дочь Георга, Шарлотта, всего лишь полтора года наслаждавшаяся счастливым браком с принцем Леопольдом Саксен-Кобургским (будущим королем Бельгии Леопольдом I), умерла в родах. Эта смерть

поставила под угрозу существование Ганноверской династии, поэтому в течение ближайших лет младшие братья Георга были вынуждены спешно жениться и предпринять усилия для продолжения рода. Как покажет будущее, сделать это удалось только принцу Эдуарду, герцогу Кентскому: он стал отцом королевы Виктории.